

Рекрутеры ИГ способны завербовать за несколько часов

Теракт 29 июля в Дангаре заставил вздрогнуть всю нашу страну. Ответственность за преступление взяла на себя запрещённая в Таджикистане террористическая группировка «Исламское государство». Какова реальная угроза от ИГ для Таджикистана? Как распознать человека, завербованного террористами? Каковы риски индивидуального террора в нашей стране? Об этом в интервью «АП» рассказал замдиректора Центра исламоведения Таджикистана Рустам Азизи.

— Что такое ИГ — идеология, группа людей с протестными настроениями или чей-то геополитический проект?

— Сейчас ИГ, как государство с определенной территорией, структурами и армией, конечно, не существует в прежнем виде, но идеология этой террористической группировки сохранилась. И она перешла в новый этап исламистского экстремизма и радикализма.

Помните, как многие радовались, заявляя, что «Исламское государство» потерпело крах. Но, полагая, что это просто военизированная террористическая структура, эту группировку недооценивали. Осталась идеология, информационная составляющая, остались ее последователи и симпатизирующие. Если возникнут хоть какие-то благоприятные условия, ничего не стоит собрать N-е количество бойцов.

Сейчас после того, как плацдарм в Сирии и Ираке у них сократился, они перебазировались в другие регионы мира. В тот же северный Афганистан, граничащий с Таджикистаном. Кроме бойцов, у них есть другая мощная часть структуры – это рекрутеры и информационные системы. Они могут работать и удаленно. Поэтому, всегда есть обоснованный риск дальнейшего возможного усиления этой базы. То есть, у них и дальше будут индивидуальные последователи, которых можно использовать для индивидуальных терактов.

Опасность этой организации кроется именно в ее инструментальном подходе. Они приняли на вооружение все передовые политические, информационные, военные технологии. Они используют как интернет, так и личные каналы, общие платформы. Их информационные структуры выпускают качественную продукцию на разных языках.

До появления ИГ в странах Центральной Азии и Афганистане был определенный радикальный бэкграунд. Сейчас ИГ выступила в роли некой централизующей силы различных региональных и локальных группировок таких, как «Исламское движение Узбекистана», «Джамоат Ансоруллох» и др. С присоединением к ИГ они вышли на глобальный уровень. А «Исламское государство», не затратив никаких сил, получило эти ресурсы — человеческие, институциональные и прочие.

С определенной долей уверенности можно сказать, что сегодня ИГ выполняет функцию некоего исламистского «интернационала». Эта группировка под флагом джихада собрала совершенно разношерстную аудиторию.

Но последние два года мы имеем продукты, выращенные непосредственно ИГ, что также может быть связано и с теми молодыми людьми, которые убили туристов.

Есть мнение в стиле «теории заговора», что ИГ — это некий проект. Естественно, во всех недовольствах есть геополитические интересы того или иного государства или организации. Но эта маргинальная теория, что якобы это геополитический проект Запада, наоборот работает в пользу того же ИГ.

Это идеология, которую могут в определенное время поддерживать разные силы ради обеспечения и защиты своих интересов – локальных, геополитических и т.д., начиная от государств, кончая бизнесменом, которому это будет выгодно.

«Молодёжь привлекает ореол таинственности»

— ИГ впервые заявила о себе в Таджикистане терактом. О чём это может говорить?

— Это был действительно первый акт насилия с жертвами со стороны ИГ в нашей стране, и его, к сожалению, не удалось пресечь.

Но до этого было множество случаев вывешивания того же флага ИГ. Это было своего рода проба почвы. Проверяли насколько быстро и оперативно реагируют спецслужбы. Плюс к тому, было много случаев пропаганды ИГ в информационном пространстве, вплоть до хакерской атаки на сайт Министерства образования и науки. Это реальный случай кибертерроризма.

Были случаи пропаганды вне сети, было N-е количество пресечённых атак. Были и другие случаи, когда наши соотечественники давали присягу. Но, благодаря действиям соответствующих органов, которые занимаются мониторингом интернета, тогда до реального исполнения атак не доходило. Все это говорит о том, что угроза существует и ее никак нельзя недооценивать.

— Некоторые эксперты утверждают, что ИГ уже не настолько сильна и порой берёт на себя ответственность за любой теракт, чтобы сохранить свою информационную значимость. Были ли случаи, когда другие группы совершали теракт якобы под присягой ИГ?

— Сегодня многие мелкие локальные террористические группировки по всему миру присягнули на верность руководству ИГ и совершали свои действия под их знаменем. Множество таких группировок есть в Афганистане и Северной Африке. Это скажем своего рода франшиза ИГ в разных странах. Но должен сказать, что, по мнению авторитетных экспертов международного уровня, ИГ ни разу не взяла на себя ответственность за теракт той группы, чьи сторонники не присягнули им на верность.

— Как вы думаете, почему эти молодые люди попали под влияние ИГИЛ?

— Я пока не знаком реально с этими кейсами, и точный ответ будет позже, когда будет открыт доступ к этой информации. У радикализации очень много дверей, через которые можно войти. Но не стоит говорить о том, что идет омоложение ИГ — нет, «Исламское государство» всегда было молодым.

— Но как молодые люди из разных районов — из Пянджа, Нурука и Дангары — смогли собраться и создать группу? Обычно молодые люди могут познакомиться во время учёбы, но они не были студентами...

— Не нужно недооценивать систему работы ИГ. Если они могут координировать свои действия откуда-то из Европы, то в маленьком Таджикистане ничего удивительного нет. Мы живем в век информационных технологий. Иногда бывает, что рекрутер знает всю цепочку, пока он работает со всем материалом. Отдельные люди могут не знать подробностей, а потом рекрутер дает им задание и в конце сам все сводит. И необязательно, чтобы они были знакомы до совершения акта.

Это апробированные веками методы тайных сообществ и здесь нет ничего нового. Могут меняться некоторые формы с развитием технологий, но сами принципы тайных сообществ остаются.

Именно ореол таинственности и привлекает молодежь к таким сообществам, чувство быть причастным к чему-то тайному и секретному. Это тоже подкупает молодых людей, они чувствуют себя частью чего-то большого.

«Пассивных радикалов нужно рассматривать как жертв обстоятельств»

— **Правда ли, что рекрутеры ИГИЛ способны завербовать любого человека в течение нескольких часов?**

Не любого, конечно, но если есть подходящий материал, то могут. Есть определённые инструменты и технологии, которые позволяют примерно за несколько часов взять свою потенциальную жертву на крючок и вести ее.

Один из случаев – это парень, который выехал в Сирию, но потом его удалось вернуть в Таджикистан. По имеющимся данным, он не участвовал в боевых действиях. Но этот факт интересен тем, что молодой человек не был из маргинальной группы, у него было очень хорошее образование, но весь процесс от вербовки до отправки в Сирию занял меньше месяца. За неделю рекрутер смог уговорить этого парня и через неделю он на свои деньги купил билет и вылетел.

Это пример того, что как мало времени нужно, чтобы примерно обработать одного человека. У них работают хорошие, профессиональные рекрутеры, и индивидуально подходят к каждому человеку. Они знают, как работать с малограмотными, криминализированными элементами, со студентами, социально активными. Хороший вербовщик может потратить несколько часов, чтобы поймать на крючок, и ему нужен примерно один месяц, чтобы довести человека до такой кондиции, чтобы тот был готов совершить теракт, вплоть до суицидального.

— **А что можно сказать человеку, чтобы он за считанные часы попал под влияние?**

— Разговор зачастую начинается таким образом:

— *Ты мусульманин?*

— *Да.*

— *Ты живешь по принципам Ислама?*

И задаются такие вопросы, которые не имеют много вариантов ответа. Там есть ответы «да» или «нет». Естественно, говоря «нет», ты становишься плохим. Ты вынужденно

идешь в сторону «да». В этом и проблема. Односложными ответами, легче давить на человека.

Молодым людям нравятся легкие ответы на сложные вопросы. Например: «Все плохо почему? Потому что есть некие плохие люди, и из-за них все плохо. Если этих плохих людей не станет, все будет хорошо». Всегда есть виновный, и есть хороший. Такие простые вопросы и наивные ответы очень легко воспринимаются жертвами.

— Что в основном толкает нашу молодёжь в радикальные и экстремистские группы?

— Тех, кто попал под радикализацию, можно разделить на две группы — активные радикалы и пассивные. Активные — это те, кто реально разделяет идеологию, понимает, согласен со всеми или некоторыми пунктами, выполняет некоторые функции, связанные с их программой. Есть пассивная радикализация — это люди, которые являются жертвами обстоятельств. Допустим, супруга бойца. Она идет за мужем, но по официальной статистике они тоже проходят как террористы. Или члены их семьи.

Так же мигрант, который поехал в России — его рекрутировали, он попал в боевые действия и был принужден участвовать в них. Но когда с ними беседуешь, он не разделяет их идеологию и вообще ее не понимает. Их нужно рассматривать как жертв неких обстоятельств.

Говоря об активных, я бы хотел в первую очередь выделить людей, которые столкнулись с кризисом идентичности. Радикализация — это процесс психологический, а потом уже все остальное. Что-то должно произойти в сознании человека, чтобы он менял свои установки.

Например, дети от смешанных браков могут испытывать некую отчужденность и неопределенность. Ребенку тоже трудно определиться, кто он, например, таджик или русский. У него кризис идентичности. Он не может дать ответ на вопрос — кто он? Он должен компенсировать свою как он сам считает «ущербность» чем-то другим. Например, стать либо супер — таджиком и супер-мусульманином, либо кем-то еще и доказать свою принадлежность к той или иной форме идентичности.

Это могут быть и неофиты (новый приверженец в какую-нибудь религию, — ред.). Любой новичок в религии перегибает палку, потому что он хочет быть «святее Папы Римского». Очень часто неофиты уходят в радикальную версию религии.

Также это те люди, которые ничего больше не имеют кроме религиозного мировоззрения. У них нет чего-то другого, что служило бы балансом. Они всё видят через призму теологических религиозных концептов в чёрно-белых тонах. Таких очень легко завербовать.

Кроме того, под влияние рекрутеров попадает криминализованная или склонная к криминальному поведению молодёжь и более взрослые люди. Но последние годы силовые структуры «перекрыли кислород» криминальным лицам к свободной деятельности и проявлению своих наклонностей и они ищут другие площадки для «самореализации». Вспомните, Абу Холида Кулоби, он был наркодилером, а потом стал джихадистом. Таким людям, неважно под каким прикрытием они будут, главное, чтобы они мог показать свою силу, проявлять насилие.

Один французский исследователь провел исследование случаев молодых криминализированных людей, которые вступили в ИГ. Один из них говорит, что «у меня есть автомат, деньги, сила, и я могу делать все, что хочу». Это вид гангстерской романтики. Террористические организации дают поле для реализации такой мечты.

«Мы находимся в плену ложных стереотипов»

— В каком возрасте люди чаще подвержены радикальным взглядам?

— Это молодые люди от 16 до 25 лет, когда идет процесс построения идентичности и человек находится в активном поиске векторов и средств, для самореализации. Они хотят показать себя, а для вербовщика — это нужный материал.

У них есть протестный потенциал, им нечего терять. Для человека, у которого нет семьи, дома и работы, практически нечего терять кроме своей жизни.

— Складывается мнение, что террорист — это молодой необразованный неудачник, который читает намаз. Насколько это верно?

— Одна из основных проблем в распознавании угрозы и в борьбе с ними является то, что мы (от аналитиков, силовиков, кончая простыми обывателями) находимся в плену ложных, но очень прочно устоявших стереотипов, которые мешают нам видеть реальную ситуацию.

Есть стереотип, что радикалы – это, в основном, маргиналы, люди с низким уровнем образования, в том числе религиозным, низким уровнем социализации, отбросы общества. Также у нас есть стереотип — некий общий вид радикала – это человек с бородой, в коротких штанах, который ведет себя определенным образом. В плену этих стереотипов мы можем не замечать, когда радикализуется внешне «нормальный» студент. Определенное количество студентов и образованных людей у нас также радикализировались в различных формах.

Другой стереотип – низкое религиозное образование. Среди радикалов есть люди, которые имеют неплохое религиозное образование. Другой вопрос – «правильный» или «неправильный» ислам, но факт, что набор знаний у них есть. Говорят, что вот мы повысим уровень религиозного образования, и вопрос решится. Но нет! Проведя религиозный ликбез, но, не дав какой-то альтернативы и точки зрения, мы не можем решить проблемы радикализации.

Также говорят, что в основном рекрутинг идет через миграцию. Исследования и реальные факты говорят о другом. Сколько человек у нас семьями выехали из Таджикистана? Россия для них была перевалочной базой, чтобы ехать дальше.

Исследователями стран Центральной Азии совместно с Институтом востоковедения РАН было проведено исследование, которое свидетельствует о том, что миграционный фактор слабо влияет на радикализацию. Не так сильно, как это желают показать. Но некоторым ответственным лицам легче перебросить свою вину на чужие плечи. Говоря, что радикализация происходит за пределами нашей страны, мы принижаем уровень своей ответственности перед реальной угрозой.

«Распознать радикала проще всего в семье»

— Как определить, подвержен ли человек радикализации? Как это проявляется в обычной жизни? Ведь есть, наверное, какие-то признаки изменений в его поведении или стиле жизни, взглядах, по которым можно определить, что человек подпал под влияние радикалов?

— Если под вербовку попал студент, то он будет продолжать одеваться как студент, ходить в галстук, и по внешности вы вообще не заметите, что он радикализировался. Тем более, что у нас строгие требования к дресс-коду. Более чуткий человек, конечно, может заметить изменения, по постам в соцсетях, например, когда человек до недавнего времени постил про футбол, вдруг резко изменил тематику постов, они становятся однообразными, тема фокусируется вокруг чего-то одного.

И самое главное, если рекрутер планирует использовать человека в пропагандистских целях, в публичном поведении вы точно ничего не заметите. Но если его планируют использовать как бойца, то его постараются задействовать как можно быстрее, чтобы он не успел одуматься. Распознать такого человека проще всего конечно в семье. Важно насколько адекватно там смогут среагировать.

— Некоторые эксперты уверены, что радикальные меры борьбы с исламизацией общества ведут к ещё большей радикализации. Согласны ли с этой точкой зрения?

— Есть комплекс мер, но всегда больше заметны силовые. Если проводятся мягкие формы работы, то они зачастую остаются незамеченными обществом, журналистами, экспертным сообществом. Но они проводятся.

Например, в Душанбе, в этом году открылось большое количество спортивных площадок. Это очень хороший метод для борьбы с радикализацией. Потому что свободное время, которое молодежь могла потратить на непонятные неконтролируемые вещи, она тратит на спорт. Но никто на это не смотрит в контексте борьбы с радикализацией.

Ну, естественно, превентивные меры с чрезмерным привлечением силового аспекта могут иметь определенные негативные последствия.

— Какие методы борьбы с этим злом должны предприниматься сейчас государством и обществом?

— Необходимы комплексные меры. У силовиков свои методы, у образования свои, у социальных служб свои. Каждый должен работать, в рамках своей ответственности и компетенции. Важно, что методы должны постоянно совершенствоваться в соответствии с реальными угрозами. Важно, чтобы действия различных факторов в этом противодействии, а именно экспертного сообщества, силовых структур, гос.органов, религиозных лидеров и каждого члена общества, были скоординированы.

Источник: Азия Плюс